

Соколова Е.В.

**ГОРОД КАК ДРУГОЙ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ РОМАНЕ 1990-Х ГОДОВ:
ВОЛЬФГАНГ ХИЛЬБИГ И ВИЛЬГЕЛЬМ ГЕНАЦИНО**

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук,
Россия, Москва, e.v.sokolova@inion.ru*

Аннотация. В статье рассматривается восприятие города в немецком романе 1990-х годов, для которого в целом характерна «критика мегаполиса» как десубъективирующей и деиндивидуализирующей социальной среды. В русле проблематизации в литературе реакции человека на город исследователи отмечают признаки потери человеком жизненного смысла, нарастания одиночества, общей дезориентации индивидуума и утраты связи со значимым Другим. В описанном ракурсе сопоставляются подходы к изображению взаимодействия человека и города в романах двух ярких писателей первого послевоенного поколения, родившихся и сформировавшихся по разные стороны Берлинской стены: это «Временное пристанище» (*Das Provisorium*, 2000) Вольфганга Хильбига и «Зонтик на этот день» (*Ein Regenschirm für diesen Tag*, 2001) Вильгельма Генацино. В ходе сопоставления выявляется, что, если у Хильбига город выступает прежде всего как «экран» для проекций внутреннего состояния протагониста и остается «закрыт» для диалогической коммуникации, то в романе Генацино город, хотя и сохраняющий функцию «экрана», показан «открытым» для диалога с человеком, более того, наделяется потенциалом превращения в «обучающую среду».

Ключевые слова: современная литература Германии; немецкоязычный роман 1990-х годов; «городской роман»; город как Другой; В. Хильбиг; В. Генацино.

Поступила: 07.05.2025

Принята к печати: 24.06.2025

Sokolova E.V.

**The City as Other in the German Novel of the 1990s:
Wolfgang Hilbig and Wilhelm Genazino**

*Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Academy of Sciences,
Russia, Moscow, e.v.sokolova@inion.ru*

Abstract. The article examines perception of a big city in German novel of the 1990s as a desubjectifying and deindividualizing social environment. In line with the problematization of the human reaction to the city in literature, German researchers note signs of a person's loss of life meaning, increasing loneliness, general disorientation of individual, loss of connection with a significant Other. Two approaches to depicting the interaction between man and the city are compared in the described optics basing on the novels of two outstanding writers of the first post-war generation born and formed on opposite sides of the Berlin Wall: "A Temporary State" (*Das Provisorium*, 2000) by Wolfgang Hilbig and "The Shoe Tester of Frankfurt" (*Ein Regenschirm für diesen Tag*, 2001) by Wilhelm Genazino. In course of comparison, it turns out that, if in Hilbig the city acts, first of all, as a "screen" for projections of the protagonist's internal state and remains "closed" for dialogic communication, in Genacino's novel, on the contrary, the city, although retaining the function of a "screen", is shown as "open" for dialogue with a person, moreover, it has the potential to become a "learning environment".

Keywords: contemporary German literature; German-language novel of the 1990s; "urban novel"; city as Other; W. Hilbig; W. Genazino.

Received: 07.05.2025

Accepted: 24.06.2025

«Большой город» в современной литературе Германии

В 1990-е годы тематический комплекс «большой город» получил в немецкой литературе новое лицо: после долгого перерыва на авансцену вернулся Берлин в качестве места действия городского романа (см., напр.: [Потёмина, 2013]). После объединения Германии Берлин обрел былые масштабы, вернул себе статус столицы и привлекательность в глазах провинциалов. Там состоялась встреча немецкой молодежи, выросшей по разные стороны Берлинской стены, и с обеих сторон была осознана и озвучена потребность услышать «другую» правду, узнать о жизни, прожитой по-другому. Там острее всего ощущалась (и ощущается до сих пор) потребность в общении между разными субкультурами, диаспорами, приверженцами разных направлений в искусстве, сформировалась уникальная культурная атмосфера, вобравшая в себя разные

тенденции взаимоотношений современного человека и мегаполиса. Целый ряд писателей второго послевоенного поколения, родившихся в 1965–1975 гг., так называемого «поколения внуков» (о «поколениях» в немецкой литературе см.: [Agazzi, 2005; Ernst, 2001]), дебютировали в 1990-е годы именно в жанре «берлинского романа», представив публике истории «героев вроде нас» (*Helden wie wir*, Т. Бруссиг [Brüssig, 1995]).

Выбор большого города как места действия писателями 1990-х связан, конечно, и с модой на «новую искренность», потребовавшую «честных» историй о своей «подлинной» жизни на улицах города (см., напр.: [Чугунов, 2006; Белобратов, 2006]). Ведь многие писатели проживали яркие моменты собственной жизни именно в больших городах (Берлине, Франкфурте-на-Майне, Гамбурге, Нюрнберге, Дрездене и др.), куда теперь регулярно приезжали по литературным поводам – на книжные ярмарки, поэтические форумы, литературные встречи. Большие издательства, культурные центры, книжные магазины, статусные кафе регулярно устраивали у себя выступления «новых» немецких писателей, а расквартированные в больших городах фонды щедро выделяли стипендии «по дающим надежды» представителям «новой» немецкой литературы.

Тем удивительнее, что большинство немецких современных писателей (и их персонажей) город не любят, особенно Берлин (см., напр.: [Jung, 1998; Kuhn, 1996; Schäfer, 1996]). Как правило, в текстах 1990-х годов «город» не представляет собой целостной культурно-исторической сущности: его образ складывается из упоминаний и описаний отдельных мест, выбор которых обусловлен внутренней реальностью персонажей. Таким образом, «одной из важнейших становится проблема реакций индивида на современную городскую реальность» [Чугунов, 2006, с. 15], которые могут проявляться как в прямых оценках, так и «выражаться в особом комплексе ощущений персонажа» [там же], а единственной «дружелюбной» реальностью в «большом городе» персонажу представляется его внутренняя реальность, и он «с легкостью уходит в мир собственных фантазий, превращает свое жилище в своеобразную крепость или келью отшельника, совершая попытки хотя бы на время убежать от городской действительности» [Чугунов, 2006, с. 16]. Такое негативное восприятие города Д.А. Чугунов возводит к разорванности постмодернистского сознания, черты которого обнаруживает в городских романах писателей второго послевоенного поколения: «Разорванность сознания литературного персонажа,

напрямую связанная с его одиночеством и “коммуникационной изолированностью”, приводит к тому, что теоретически многосторонний образ города часто сжимается в ряд упрощенных схем (подземка, вокзал и т.д.), оставляющих за своими границами массу неизвестного <...>, фиксируются *внешние, фасадные* характеристики окружающего» [Чугунов, 2006, с. 14]. Отмечается и стремление большинства авторов «дистанцировать» своих героев от города как социальной среды, нередко приводящее «к радикальному разделению “я” и “ты”» [Роганова, 2007, с. 223] в их текстах – радикальному до такой степени, что никакое сближение между «я» и «ты» для персонажей в городской среде невозможно.

Города как место угнетения и лжи: история образа

Перечисленные выше паттерны восприятия большого города коррелируют с городскими образами немецкой литературы прошлого – XIX и первой трети XX в. Так, сохраняющаяся в романе 1990-х годов связь тематического комплекса «большой город» с ощущением давления цивилизации на человека (что выявляют, в частности, А. Кун [Kuhn, 1996] и В. Юнг [Jung, 1998]), в прошлом нашла свое яркое выражение в поэзии Р.М. Рильке. В третьей части его «Часослова» (*Das Stunden-buch*) – «Книге о бедности и смерти» (*Das Buch von der Armut und vom Tode*, 1903–1906) – представлен целый ряд образов города как некой гнетущей силы, враждебной всему истинному и творческому в человеке:

Большие города, где все поддельно,
животное, ребенок, тень и свет,
молчанием и шумом лгут бесцельно,
с готовностью, как лжет любой предмет.

Все то, что истинней и тяжелее,
Ты, Становленье вокруг твердынь Твоих,
не существует здесь, хоть веселее
Твой ветер в переулках, где смелее
он свищет, но простор ему милее;
на площадях он рыщет городских,

но любит он куртины и аллеи¹.

¹ Перевод Константина Богатырева. (Здесь и далее в цитатах курсив мой – Е.С.)

Важный для Рильке мотив лживости города и в силу этого его непригодности для общения человека и Бога был подхвачен и получил дальнейшее развитие в первой трети XX в. Фундаментальное для духовной жизни человека диалогическое отношение «Я» и «Ты» (М. Бубер) подвергается в городе сильнейшему давлению и разрушается, не успев возникнуть, считает, например, Бертольт Брехт, пристально и изобретательно исследующий это отношение в поэтическом цикле «Из хрестоматии горожанина» (*Lesebuch für Stadtbewohner*, 1930), главной темой которого становится «размывание субъектности» в городе, поглощение индивидуальности «самой действительностью», составленной из обезличенных горожан. «Я» и «ты» в этом поэтическом тексте не только самым радикальным образом разделены, но и поставлены автором в позицию «изначальной недостижимости взаимопонимания» [Knopf, 2007, S. 56]. Цикл, состоящий из 10 стихотворений, в каждом из которых поэт по-разному обнаруживает утрату субъектности «я» и «ты», заканчивается так:

Когда я говорю с тобой
холодно и отвлеченно
сухими словами
не глядя на тебя
(возможно, я не узнаю тебя
в особой твоей сущности и сложности)
Так что я говорю с тобой просто
как сама действительность
(трезвая, особости твоей неподвластная
сложностью твоей раздраженная)
каковую ты во мне, похоже, не признаешь¹.

В современном немецком городском романе отголоски «критики мегаполиса» как десубъективирующей и деиндивидуализирующей социальной среды сохраняются. В русле «проблематизации реакции индивидуума на городскую среду» [Чугунов, 2006, с. 14–15] – культурную, коммуникативную, социальную – критики выявляют признаки потери человеком жизненного смысла и нарастания одиночества, утраты себя и связи со значимым Другим [Jung, 1998; Reinhold, 2000; Siebenpfeiffer, 2001], подчеркивая связь этой проблематики с проблемой «непреодоленного прошлого»

¹ Перевод мой – Е.С. (Ориг.: Brecht B. Lesebuch für Stadtbewohner // Brecht B. Werke: Gedichte 1. Berlin : Aufbau, 1988. Bd 11. S. 165).

Германии [Schäfer, 1996], актуализировавшейся после объединения страны и прихода в литературу нового поколения писателей (см., например: [Соколова, 2006, с. 63–86]).

Человек и город у В. Хильбига и В. Генацино

Далее мы коротко сопоставим два подхода к изображению взаимодействия человека и города в романах двух яких писателей первого послевоенного поколения, родившихся и сформировавшихся по разные стороны Берлинской стены. Это Вольфганг Хильбиг (1941–2007), который вырос в Тюрингии, начал писать в ГДР, а в середине 1980-х перебрался из соцлагеря на Запад¹, и Вильгельм Генацино (1943–2018), большую часть жизни проживший во Франкфурте-на-Майне². Оба влиятельные представители своего литературного поколения, лауреаты премии им. Г. Бюхнера, наиболее престижной из литературных премий Германии (Хильбиг – в 2002 г., Генацино – в 2004 г.); у обоих отцы воевали в вермахте (отец Хильбига пропал без вести под Сталинградом); оба зарабатывали на жизнь литературным трудом и были вовлечены в литературную жизнь объединенной Германии 1990-х годов, предполагавшую и обязательные «гастроли» по разным городам страны с публичными чтениями, организуемыми издательями для своих авторов.

Романы «Временное пристанище» (*Das Provisorium*, 2000) Вольфганга Хильбига [Hilbig, 2001; Хильбиг, 2004a] и «Зонтик на этот день» (*Ein Regenschirm für diesen Tag*, 2001) Вильгельма Генацино [Genazino, 2001; Генацино, 2004] в определенном смысле подытоживают развитие главных тенденций немецкого городского романа в 1990-е годы.

¹ Подробнее о творчестве В. Хильбига см.: [Потёмина, 2009; Потёмина, 2017].

² Родился в Мангейме в 1943 г., в университете Франкфурта-на-Майне изучал германистику и философию, организовал и возглавил литературный журнал *Lesezeichen* в 1980–1986 гг., основал литературное агентство «Литературкоп». Автор популярной трилогии «Абшаффель» / *Abschaffel* (1977–1979), романа «Чужие битвы» / *Fremde Kämpfe* (1981), а также более десятка других романов, эссе и драматических произведений, переведенных на иностранные языки. Лауреат престижных премий, в том числе премии им. Г. Бюхнера (2004). На русском языке вышли два романа Генацино: «Зонтик на этот день» / *Ein Regenschirm für diesen Tag* (2001) в переводе Марины Кореневой (СПб., 2004) и «Женщина, квартира, роман» / *Eine Frau, eine Wohnung, ein Roman* (2003) в переводе Галины Косарик (2004).

Город как враждебный Другой: «беги или умри» (В. Хильбиг)

По форме «Временное пристанище» представляет собой монолог писателя Ц., который ездит с организованными издательством «чтениями» по городам Западной Германии. Внешнюю реальность протагонист воспринимает через призму своего состояния: всякий город, куда он попадает, окрашивается его настроением, отвечает его мыслям, его растерянности и переживаемой им в данный момент драме.

И если в рассказе Хильбига «Книжный дух» [Hilbig, 2002; Хильбиг, 2004б] город (Берлин), накрытый слоем свежевыпавшего снега, представлялся протагонисту (тоже писателю) мифологическим существом, исполненным таинственных, угрожающих, но одновременно и притягательных черт («...город, вдруг показавшийся мне несусветно огромным, – город, где я вконец заблудился, чьи границы засыпал, сравнял с землей снег; и теперь этот город шагнул глубже в природу, потерялся на снежных равнинах, как потерялись во выюге и все другие города в этот час, ибо мело повсюду в Европе...» [Хильбиг, 2004б, с. 192]), то во «Временном пристанище» город для Ц. прежде всего недоступен или, говоря его собственными словами, «закрыт», поскольку воспринимается исключительно через призму собственных терзаний. А терзается Ц. сильнее всего из-за ощущения собственной никчемности: несоответствия «роли писателя», исполнения которой, как ему кажется, требует от него социум, сливающийся с тем или иным окружающим его сейчас западногерманским городом. Страдание невыносимо, и потому безостановочно заглушается алкоголем или глушился иным саморазрушительным поведением.

В этом смысле городская среда предстает у Хильбига отражением внутреннего мира писателя Ц., полного боли, но отражением, в котором сам Ц. себя не видит. «Закрытый» для восприятия город может только усиливать собственные его свойства, в данном случае соответствующие внутреннему стремлению Ц. заглушить боль, на которое город «отвечает» целым спектром возможностей для оглушающих практик (алкоголь, растворение в толпе, эротические шоу и т.д.). Образуется «порочный круг» – эмоциональная воронка чередования стыда и отчаянного поступка, только усиливающего стыд, в которую раз за разом попадает писатель Ц., приезжая в каждый очередной город. Воронка затягивает, увлекая к катастрофе: каждый новый город, многократно усилив, возвращает

Ц. его собственную неуверенность в себе, сомнения в выбранном пути, ощущение утраты смысла, духовных ориентиров, морального падения и жизненного краха.

При этом есть некоторое различие в восприятии протагонистом Хильбига городов ФРГ и ГДР. Для характеристики восприятия им западных городов показательно восприятие Нюрнберга, где Ц. прожил несколько лет с момента своей иммиграции на Запад, но так и не «проверил» этому городу, не принял его и не освоился в нем: «Он и поныне толком *не ориентируется в Нюрнберге*» [Хильбиг, 2004а, с. 15], «Нюрнберг – город реминисценций, *город подделок*; чтобы расширить ассортимент бутиков, здесь как будто *растягирован* каждый гран человеческого существа» [Хильбиг, 2004а, с. 13], здесь «можно исчезнуть бесследно» [там же].

Вообще западногерманские города только сбивают Ц. с толку, запутывают его: «в западногерманских городах он *плутал*» [Хильбиг, 2004а, с. 15]. Эти города так и остались для него «закрыты»: «...он не помнит, как жил в Мюнхене, хотя жил там несколько месяцев», да и от других городов «в памяти сохранились одни имена да вокзалы... он помнил, что в городах этих бывал, но почему-то они оставались закрыты» [Хильбиг, 2004а, с. 29].

Города ГДР тоже для него «закрыты», но, как кажется Ц., по другим причинам: «Он больше не видел себя в тех городах (как не видит себя и в новых, западных); в городах Восточной Германии он был случайностью, призраком, проходным персонажем...» [Хильбиг, 2004а, с. 29]. Теперь же отдалившись от него восточно-германские города, прежде также не вызывавшие интереса, идеализируются: «Все чаще закрадывалось подозрение, что писать он мог только в тех городах...» [Хильбиг, 2004а, с. 29]. Так представлен, в частности, Лейпциг, откуда он родом: в воспоминаниях Ц. он преобразуется в город с невидимой тайной, доступной только для избранных: «Что же увидел человек, прибывший спозаранку на вокзал Лейпцига... Особое свечение там, под вокзальной крышей; он увидел его еще в полусне. Свет, который видит только тот, кто досконально знает вокзал и у кого есть свободное время отыскать его под гигантскими сводами. Только тот заметит его, кому нет дела до всеобщей депрессии, что царит в этот ранний час отправления» [Хильбиг, 2004а, с. 28]; «Солнце светит на вокзале, как свет в соборе. Девять лучей, магическое число. И поезда, прорываясь сквозь солнце на волю, теряются в ослепительном свете» [Хильбиг, 2004а, с. 28].

Разрешением парадокса «закрытого города» мог бы, как думает сам писатель Ц., для него стать Берлин, но вовремя «сам он до этого не додумался, никто не подсказал – он ведь ничейный» [Хильбиг, 2004а, с. 181], и, если зайти там в кафе и «сесть у окна, то взгляд упирался в самый центр метрополии – только стекло отделяло тебя от яростной стихии людского движения» [Хильбиг, 2004а, с. 185]. Но теперь поздно, преграды не одолеть: треугольник улиц между площадью Савиньи и Кантштрассе, на котором расположены бесчисленные пивные, бары, пип-шоу, затягивает его как «магический треугольник, по бедрам которого, мучась возрастающей одышкой, он вышагивал час за часом, подаввшись вперед, впивив взгляд в землю, как пес, в вечном страхе, что его вот-вот начнут замечать...» [Хильбиг, 2004а, с. 187]. Вспоминая слова, сказанные когда-то про эту территорию восточногерманскими коллегами, Ц. выносит себе приговор: «Кто сюда попал, говоривали они, может идти только ко дну» [Хильбиг, 2004а, с. 181]. И лишь солнце, в самом конце повествования вновь увиденное Ц. на вокзале в Лейпциге, оставляет финал романа открытым – может быть, не все еще для него потеряно...

Человек и его город: «разрешение на жизнь» (В. Генацино)

Совершенно иначе коммуницируют с городом протагонисты (и рассказчики) Вильгельма Генацино. Эти остро чувствующие «странный жизнью» [Генацино, 2004, с. 95, 109, 136, 163, 184 и др.] люди бродят по городу целые дни напролет, выхватывая своим восприятием яркие сценки, лица, детали, непосредственно реагируют на увиденное и тут же цепко фиксируют свою реакцию.

Как правило, у героев Генацино ничего нет: ни родины, ни биографии, ни веса в обществе, ни работы, ни постоянных отношений. Нет у них и «злой судьбы», на удары которой удобно было бы списать свои потери и неудачи. Не по ее воле стали они тем, чем являются сейчас: превращение происходило постепенно, закономерно воплощая в жизнь их собственную «чужеродность», неспособность вписаться в «нормальное общество» современного западного мегаполиса. Несмотря на некоторую свою маргинальность, персонажи Генацино как будто не испытывают ни зависти, ни злобы по отношению к «процветающим» членам общества, никого не винят в своей вроде бы не удавшейся жизни, не жалуются

на кочевое и одинокое существование. Как будто не иметь ничего их способ от отличаться от других.

Впрочем, по Генацино, «нормальное общество» большого города состоит как раз из подобных людей, которых объединяет стремление «пробиться наверх»: «Я прекрасно помню, как это было, когда в начале семидесятых я приехал во Франкфурт – разумеется, из-за работы, как почти все, кто переезжал сюда на постоянное местожительство. Тут я увидел людей, как и я сам, провинциалов, оставивших родные края, чтобы пробиться “наверх”. Только потом я понял, что все эти немного робкие новоприбывшие граждане, встречающиеся тут, и есть лицо Франкфурта, его главная отличительная черта» [Генацино, 2017]. При этом по отношению к приютившему их мегаполису эти люди не испытывают ни ужаса, ни неприязни: «они ценят царящую тут атмосферу города-приюта» [Генацино, 2017]. Город для них – не машина уничтожения духовности и не инструмент обезличивания человека, но и не безличная среда обитания, не безжизненный фон для осуществления человеческой судьбы и не только зеркало их собственного эмоционального состояния. Город для них – неисчерпаемый источник жизни и «материала» для наблюдений.

Герой романа «Зонтик на этот день» чем-то похож на писателя Ц. из романа Хильбига: он тоже ни в чем не уверен, от него ушла любимая женщина, у него нет постоянной работы, приносящей деньги, постоянного места жительства, нет понятного «своего» пути. В отличие от Ц. он даже не писатель – просто человек, который бродит по городу с непонятной поначалу целью. Но этот человек видит город совсем иначе, чем Ц., для него, напротив, «город всегда был и остается *открытым*» [Генацино, 2017], и не имеет значения, западный это город или восточный, потому что в фокусе внимания не (обманувшее ожидания) прошлое и не идеализируемое будущее, а то, что происходит сейчас в том месте, где находится рассказчик, и та реакция, которую происходящее у него вызывает.

И если в эссе «Тарзан на Майне» эту особую наблюдательность своих персонажей Генацино теоретически обосновывает («Интересно, когда ты можешь наблюдать за тем, как под влиянием концентрации капитала урбанистическое пространство постоянно меняет свой внешний облик, но одновременно все больше укрепляет самую свою суть» [Генацино, 2017, с. 208]), то в его романах фиксируется практика взаимодействия с городской средой, состоящая

в наблюдении за происходящим в соединении с наблюдением за самим собой, практика, которая в итоге оказывается продуктивной.

Конечно, в городе Генацино тоже есть улицы, универмаги, вокзалы. Но главное в нем люди, знакомые и незнакомые (дети, старики, инвалиды, бомжи, иногда животные), которых рассказчик не просто замечает, но рассматривает, испытывает к ним неподдельный интерес, вступает с ними во взаимодействие и реагирует на «полученные сигналы»: «На площади перед церковью святого Николая, где сейчас расположился небольшой передвижной цирк, меня остановила какая-то девушка и спросила, не могу ли я посторожить ее чемодан. Могу, сказал я, что тут такого» [Генацино, 2004, с. 10]. «В подземном переходе опять шмыгают ласточки. Они влетают в него с одной стороны и через восемь-девять секунд выныривают с другой. Я бы и сам с удовольствием воспользовался этим переходом, чтобы идти и краем глаза ловить обгоняющих меня на бреющем полете птиц. Но я знаю, чем это может обернуться, и не собираюсь повторять своих ошибок» [Генацино, 2004, с. 7]. «Два школьника стоят перед рекламной тумбой и плюют на плакат. Глядя на стекающие по плакату плевки, они смеются. Я прибавляю шаг» [Генацино, 2004, с. 7].

Не только контакт (приветствие, разговор, помощь) со встреченным, но и «бегство от контакта» – типичная и «разрешенная» самому себе реакция рассказчика на стимулы городской среды. Нередко он убегает и прячется от замеченных вдалеке людей, с которыми не жаждет встречаться; ускоряет шаг, чтобы не видеть того, на что не хочет смотреть (плюющихся подростков, например); избегает мест, с которыми связаны неприятные воспоминания (например, подземного перехода, где на тестируемую им дорогую обувь ему капнули кетчуп); прячется у себя в комнате и не хочет выходить. Но во всех таких случаях он фиксирует для себя свое «бегство», находит его причину (лежащую, как правило, в прошлом опыте) уже после того, как просто позволяет «бегству» случиться, а себе самому – незаметно ретироваться или уклониться от нежелательного контакта.

В этом и состоит радикальное отличие героя Генацино от хильбиговского Ц., у которого непосредственная реакция на происходящее вокруг отсутствует. Рефлексия у последнего полностью вытеснена эмоционально насыщенной моральной оценкой каждого собственного движения, всегда определяемого как «ложное», отчего таких «ложных» движений становится только больше. Так, писателю Ц.

часто требуется выпить еще, чтобы заглушить стыд по поводу уже выпитого. Или вот такой пример: приехав после долгого перерыва к матери в Лейпциг, Ц., не дойдя до дома, увидел ее на улице и заметил, как она постарела и сдала. Естественно, он испытал острую боль и чувство вины. Но это свое чувство он не заметил и не признал: испытав его, он впал в панику и обратился в бегство – тут же уехал из города, так и не осознав причины произошедшего [Хильбиг, 2004а, с. 135–136]. Испытав пугающее и невыносимое чувство вины и стыда, которое в отсутствие рефлексии не было связано ни с каким конкретным действием в настоящем или прошлом, он позволил ему распространиться (в его восприятии) на всю окружающую среду – в данном случае не только на город, но и на всю ГДР.

В отличие от Ц. герой Генацино хорошо сознает, что склонен к бегству и нуждается в «разрешении на жизнь» («<...> из-за таких историй у меня и зародилось когда-то подозрение, что я живу без внутреннего разрешения на жизнь» [Генацино, 2004, с. 120]). Но он подозревает уже, что только сам может «выдать» себе такое разрешение, для начала «легализовав» для себя практику «бегства» через нескончаемую ходьбу по городу (он работает испытателем дорогой обуви): «Тот, кто живет, подобно мне отказав себе в разрешении на эту жизнь и, будучи вынужден спасаться бегством, постоянно находится в пути, тот придает башмакам огромное значение» [Генацино, 2004, с. 117]. Так что по городу он бродит во многом именно с целью добыть для себя (или выдать себе) такое «разрешение на жизнь» да еще и усложняет себе задачу тем, что признает такое «разрешение» действительным только на один – сегодняшний – день (отсюда название романа).

Открыться Другому?

Когда задача ясна, она перестает быть нерешаемой. Ощущение «разрешенности жизни» оказывается вполне достижимо в той мере, в какой обеспечивается «благосклонностью» сегодняшних обстоятельств. А в какой мере действительность к нему сейчас «благосклонна», рассказчик Генацино судит по «реакции» городской среды на изменение своей собственной реакции на аналогичные внешние обстоятельства в прошлом (изменение, «принятое пространством», дает ему основания пролонгировать свое «разрешение на жизнь»). Например, так: «Я не знаю, как это вышло, что я перестал реагировать на звуки, возникающие при соприкосновении

зубов и резины. Я усматриваю в этом *добрый знак*. Значит, все-таки не все негативные реакции, лежащие в основе внутреннего сопротивления, устойчивы. Отсюда можно предположить, что, вероятно, скоро настанет день, когда я наконец получу *внутреннее разрешение*, дающее мне право на жизнь» [Генацино, 2004, с. 122].

Результат наблюдения протагонистом за собственным способом реагировать на окружающий мир – городскую среду – не заставляет себя ждать. На фоне гармонизации отношений с жизнью у него как бы сама собой появляется новая работа, новый способ дополнительного заработка («консультант по счастью»), намечаются новые отношения с женщиной, которую он знает давно... Таким образом, можно констатировать, что в «Зонтике на этот день» город предстает прежде всего живой обучающей средой, а не утомимо шагающий по нему рассказчик оказывается «испытателем» не только престижной обуви (как нам сообщается в начале романа), но и, возможно, обучающих стратегий нового типа, основанных на взаимодействии человека с городской средой.

Итак, в ходе сопоставления двух романов было показано, что, если во «Временном пристанище» В. Хильбига город выполняет в первую очередь функцию «экрана» для проекций внутреннего состояния протагониста и остается «закрытым» для смыслопорождающей коммуникации, то у В. Генацино, продолжая выступать в роли «зеркала состояний», город предстает «открытой» для диалога с человеком социокультурной средой и, более того, наделяется потенциалом превращения в «обучающую среду».

Список литературы

- Белобратов А.В. Австрийская литература 1990-х годов: в ожидании шедевра // Постмодернизм: что же дальше? (Художественная литература на рубеже XX–XXI вв.) / под ред. Е.В. Соколовой. – Москва : ИНИОН РАН, 2006. – С. 76–97.
- Генацино В. Зонтик на этот день / пер. с нем. М. Кореневой. – Санкт-Петербург : Амфора, 2004. – 256 с.
- Генацино В. Тарзан на Майне: прогулки в центре Германии / пер. с нем. М. Кореневой // Звезда. – 2017. – № 5. – С. 207–220.
- Потёмина М.С. Берлин в современной немецкой литературе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2013. – № 2. – С. 63–70.
- Потёмина М.С. Дихотомия «я» – Другой «я»: деконструкция героя в прозе Вольфганга Хильбига // Практики и интерпретации : журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2017. – Т. 2, № 1. – С. 136–151.

- Потёмина М.С.* Концепт «граница» в романе В. Хильбига «Временное пристанище» // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2009. – № 2. – С. 40–45.
- Роганова И.С.* Немецкая литература конца XX века и актуализация постмодернистской парадигмы. – Москва : Рудомино, 2007. – 416 с.
- Соколова Е.В.* «Диалог невозможен...»: коммуникативная проблематика в современной литературе Германии (Б. Шлинк, М. Байер, К. Хакер, В. Генацино, К. Крахт). – Москва : ИНИОН РАН, 2008. – С. 63–86.
- Хильбиг В.* Временное пристанище / пер. с нем. А. Шибаровой. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. – 256 с.
- Хильбиг В.* Книжный дух / пер. с нем. Ю. Шварцман // Иностранная литература. – 2004. – № 11. – С. 191–197.
- Чугунов Д.А.* Немецкая литература 1990-х годов: ситуация «поворота». – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2006. – 288 с.
- Agazzi E.* Erinnerte und rekonstruierte Geschichte. Drei Generationen deutscher Schriftsteller und die Fragen der Vergangenheit. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. – 175 S.
- Brüssig Th.* Helden wie wir. – Berlin : Volk & Welt, 1995. – 322 S.
- Ernst T.* Popliteratur. – Hamburg : Rotbuch Verlag, 2001. – 96 S.
- Genazino W.* Ein Regenschirm für diesen Tag. – München; Wien : Hanser, 2001. – 176 S.
- Hilbig W.* Das Provisorium. – Frankfurt am Main : Fischer, 2001. – 320 S.
- Hilbig W.* Der Geruch der Bücher // Hilbig W. Erzählungen. – Frankfurt am Main : Fischer, 2002. – S. 341–350.
- Jung W.* Idylle und Terrordrom: Berliner Mythen der neunziger Jahre // Das Argument. – 1998. – Jg. 40, H. 6. – S. 811–824.
- Knopf J.* Wie die Wirklichkeit selbst: Beispiele brechtscher Medienlyrik // Text+Kritik. – 2007. – H. 173. – S. 54–62.
- Kuhn A.K.* Berlin as a locus of terror: “Gegenwartsbewältigung” in Berlin: Texts since the “Wende” // Berlin in focus: Cultural transformations in Germany / Hrsg. von B. Becker-Cantarino. – Westpoint (Conn.) e.a.: Praeger, 1996. – S. 159–185.
- Reinhold U.* Die Stadt Berlin in Romanen 90er Jahre // Mentalitätswandel in der deutschen Literatur zur Einheit, (1990–2000) / Hrsg. von V. Wehdeking. – Berlin : E. Schmidt, 2000. – S. 57–68.
- Schäfer A.* Berlin, ein Fragezeichen: das offene Berlin und die Literatur // Neue Deutsche Literatur. – 1996. – Jg. 44. – H. 4. – S. 128–141.
- Siebenpfeiffer H.* Topographien der seelischen: Berlinromane der neunziger Jahre // Bestandsaufnahmen: Deutschsprachige Literatur der neunziger Jahre aus interkultureller Sicht / Hrsg. von M. Harder. – Würzburg : Königshausen&Neumann, 2001. – S. 85–104.

References

- Belobratov, A.V. (2006). Avstriiskaia literatura 1990-kh godov: v ozhidanii shedevra. In *Postmodernizm: chto zhe dal'she? (Khudozhestvennaiia literatura na rubezhe XX–XXI vv.)* Moscow: INION RAN Publ. Pp. 76–97.
- Genatsino, V. (2004). *Zontik na etot den'*. Saint-Petersburg: Amfora Publ.
- Genatsino, V. (2017). Tarzan na Maine: progulki v tsentre Germanii. *Zvezda*, 5, 207–220.
- Potemina, M.S. (2013). Berlin v sovremennoi nemetskoi literature. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 2, 63–70.
- Potemina, M.S. (2017). Dikhomiia “ia” – Drugoi “ia”: dekonstruktssiia geroia v proze Vol’fganga Khil’biga. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel’nykh i kul’turnykh issledovanii*, 2(1), 136–151.
- Potemina, M.S. (2009). Kontsept “granitsa” v romane V. Khil’biga “Vremennoe pristanishche”. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*, 2, 40–45.
- Roganova, I.S. (2007). *Nemetskaia literatura kontsa XX veka i aktualizatsiia postmodernistskoi paradigmy*. Moscow: Rudomino Publ.
- Sokolova, E.V. (2008). “Dialog nevozmozhens...”: Kommunikativnaia problematika v sovremennoi literature Germanii (B. Shlink, M. Baier, K. Khaker, V. Genatsino, K. Krakht). Moscow: INION RAN Publ.
- Khil’big, V. (2004a). *Vremennoe pristanishche*. Saint-Petersburg: Azbuka-klassika Publ.
- Khil’big, V. (2004b). Knizhniiy dukh. *Inostrannia literatura*, 11, 191–197.
- Chugunov, D.A. (2006). *Nemetskaia literatura 1990-kh godov: Situatsiia “povorota”*. Voronezh: Voronezhskii gos. un-t Publ.
- Agazzi, E. (2005). *Erinnerte und rekonstruierte Geschichte. Drei Generationen deutscher Schriftsteller und die Fragen der Vergangenheit*. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht Publ.
- Brussig, Th. (1995). *Helden wie wir*. Berlin: Volk&Welt Publ.
- Ernst, T. (2001). *Popliteratur*. Hamburg: Rotbuch Verlag Publ.
- Genazino, W. (2001). *Ein Regenschirm für diesen Tag*. München; Wien: Hanser.
- Hilbig, W. (2001). *Das Provisorium*. Frankfurt a.M.: Fischer Publ.
- Hilbig, W. (2002). Der Geruch der Bücher. In W. Hilbig. *Erzählungen*. Frankfurt a. M.: Fischer Publ.
- Jung, W. (1998). Idylle und Terrordrom: Berliner Mythen der neunziger Jahre. *Das Argument*, 40(6), 811–824.
- Knopf, J. (2007). Wie die Wirklichkeit selbst: Beispiele brechtscher Medienlyrik. *Text+Kritik*, 173, S. 56.
- Kuhn, A.K. (1996). Berlin as a locus of terror: “Gegenwartsbewältigung” in Berlin: Texts since the “Wende”. In *Berlin in focus: Cultural transformations in Germany*. Westpoint: Praeger Publ. Pp. 159–185.
- Reinhold, U. (2000). Die Stadt Berlin in Romanen 90er Jahre. In V. Wehdeking (ed.) *Mentalitätswandel in der deutschen Literatur zur Einheit, (1990–2000)*. Berlin: E. Schmidt Publ. Pp. 57–68.
- Schäfer, A. (1996). Berlin, ein Fragezeichen: das offene Berlin und die Literatur. *Neue Deutsche Literatur*. 44(4). 128–141.

Siebenpfeiffer, H. (2001). Topographien der seelischen: Berlinromane der neunziger Jahre. In M. Harder (ed) *Bestandsaufnahmen: Deutschsprachige Literatur der neunziger Jahre aus interkultureller Sicht*. Würzburg: Königshausen&Neumann. Pp. 85–104.

Об авторе

Соколова Елизавета Всеволодовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом литературоведения, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Россия, Москва, e.v.sokolova@inion.ru, ORCID: 0000-0002-7098-3589

About the author

Sokolova Elisaveta Vsevolodovna – Candidate in Philology, Leading Researcher, Head of the Department of Literary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, e.v.sokolova@inion.ru, ORCID: 0000-0002-7098-3589